

В. В. Крестовскій, какъ военный писатель.

(Статья первая).

I.

Восьмитомное собраніе сочиненій Всеволода Владиміровича Крестовскаго, выпущенное въ свѣтъ книгоиздательскимъ товариществомъ «Общественная польза», подъ редакціей Ю. Л. Ельца. содержитъ почти все, что написалъ Крестовскій. Не включены въ это собраніе, «вслѣдствіе ихъ слишкомъ спеціальнаго характера», только исторіи полковъ: лейбъ-гвардіи уланскаго Его Величества и 14-го уланскаго (нынѣ 41-го драгунскаго) Ямбургскаго, статьи о земствѣ и торговопромышленныхъ центрахъ Россіи, а также передовыя и инныя статьи, напечатанныя въ разныхъ газетахъ и журналахъ, «имѣвшія временной, давно прошедшій интересъ».

Съ такимъ взглядомъ редактора едвали можно согласиться. Не говоря уже о томъ, что полковыя исторіи содержатъ богатый историко-бытовой матеріалъ, представляющій интересъ не для однихъ спеціалистовъ, этого «спеціальнаго» рода произведенія могутъ содержать въ себѣ еще и отраженіе литературно-публицистической фізіономіи писателя — его общественно-политическихъ взглядовъ. Въ значительно большей степени это справедливо относительно такихъ вопросовъ, какъ земство, торговля, промышленность и всего того, что даетъ ежедневно содержаніе газетнымъ статьямъ. Высказываемые въ этихъ статьяхъ взгляды. — это уже крупныя характерныя черты личности писателя, какъ гражданина,

какъ человѣка. Въ отношеніи ихъ автора, эти статьи никакъ нельзя назвать «имѣвшими временной, давно прошедшій интересъ». Въ отношеніи же содержанія самихъ статей, оцѣнка интереса ихъ всегда будетъ субъективно отвѣчать вкусамъ и взглядамъ издателя и редактора чужихъ произведеній, а потому это не ихъ дѣло. Наконецъ, о давнопрошедшемъ интересѣ статей, исключенныхъ изъ собранія сочиненій Крестовскаго, не приходится говорить уже потому, что самъ онъ, ихъ авторъ, недалеко еще ушелъ отъ насъ во времени, а обсуждавшіеся въ этихъ статьяхъ вопросы обсуждаются въ нашей печати и до сихъ поръ. Эти публицистическія произведенія пера Крестовскаго, нося на себѣ яркую печать склада его духовной личности, стоятъ къ тому же въ непосредственной связи съ его беллетристическими работами и даютъ намъ возможность видѣть автора «Кроваваго пуфа», «Тьмы Египетской», «Тамары Бендавидъ», «Тамбовскихъ дворянскихъ выборовъ» и статей о земствѣ въ «Гражданинѣ», о нѣмцахъ въ «Свѣтѣ» и о полякахъ—въ «Варшавскомъ Дневникѣ», во весь его писательскій ростъ ¹⁾. Одно другое комментируетъ и чтобы прослѣдить генезисъ творчества Крестовскаго, надо имѣть подъ руками все, что онъ написалъ.

Впрочемъ, въ цѣляхъ моей работы эти пробѣлы изданія особаго значенія не имѣютъ. Пользуясь настоящимъ собраніемъ сочиненій В. В. Крестовскаго, я хочу войти въ разсмотрѣніе его произведеній съ точки зрѣнія спеціальнаго интереса военного читателя ихъ. Военная служба, на которой Крестовскій состоялъ до самой своей смерти, дала ему многое, вліяніемъ военной среды объясняются многіе взгляды Крестовскаго - публициста, Крестовскаго - романиста и рассказчика.

Но не эта заимствованная, если можно такъ выразиться, сторона произведеній Крестовскаго должна составить содержаніе предлагаемыхъ статей... Чтобы подвести итоги тому, что дали ему военная жизнь,—военная служба и военная среда, пришлось бы войти въ разсмотрѣніе всего, что написалъ Крестовскій, всюду искать слѣда этихъ вліяній... Это вывело бы меня изъ спеціальной сферы

¹⁾ Говоря о передовыхъ статьяхъ Крестовскаго въ «Свѣтѣ», г. Ю. Елецъ замѣчаетъ, что «все писанное въ этомъ духѣ Крестовскимъ носило на себѣ подъемъ настроенія, разжигающій характеръ, обозначало яркими красками суть дѣла и являлось обыкновенно неожиданно быстрою работою на-бѣло, результатомъ искренняго порыва внезапно налетѣвшаго вдохновенія» (т. I, стр. XLIV).

«Военнаго Сборника». И потому, чтобы остаться въ ней, я буду говорить о томъ, что онъ далъ намъ, его военнымъ читателямъ, что въ его произведеніяхъ имѣеть для насъ особое значеніе, особый *свой* интересъ.

Оставленное намъ Крестовскимъ литературное наслѣдство цѣнно не только своими художественными достоинствами, но и разнообразіемъ содержанія. Тутъ все есть: и маленькія, но прекрасно выписанныя жанровыя картинки кавалерійской жизни, и большія полотна историческихъ картинъ, живописующихъ памятные въ нашей военной исторіи годы 1799, 1831, 1863 и 1877—78; тутъ цѣлая галерея яркихъ типовъ; портреты героевъ, здравствующихъ еще донынѣ, и героевъ, уже умершихъ и вымершихъ; тутъ изслѣдованіе нашего прошлаго и сужденіе о современномъ—современномъ, конечно, Крестовскому.

Весь этотъ матеріалъ можно разбить на три категоріи. Первую составляютъ произведенія чисто беллетристическаго характера, не связанныя ни съ какимъ опредѣленнымъ историческимъ моментомъ. Ихъ фонъ и канва обыденная жизнь; ихъ герои живутъ, а не «дѣйствуютъ»; въ нихъ Крестовскій преимущественно художникъ бытописатель. Сюда относятся всецѣло *Очерки кавалерійской жизни* (т. IV) и отчасти романъ *Петербургскія труппы* (т. т. I и II); и очерки *Петербургскіе золотопромышленники* («Вѣроломный капитанъ...» т. II) и *Фотографическія карточки Петербургской жизни* («Два вечера на дачѣ», т. II, и «На гауптвахтѣ», т. II).

Ко второй категоріи могутъ быть отнесены беллетристическія произведенія, сюжетъ которыхъ связанъ съ историческими событіями. Вѣрнѣе сказать: *съ военно-историческими событіями*. Въ пристрастіи къ военно-исторической канвѣ въ Крестовскомъ сказался военный... Таковы большіе романы-хроники: *Кровавый пуфъ* (1863 г.), *Тамара Бендавидъ* (1877-78 г.г.) и повѣсти *Дяды* (1799 г.) и *Какъ умеръ мой дядя* (1831 г.). Разказы: *Подъ каштанами Саксонскаго сада* (т. III), *Подземный ходъ, Катакомбы Фары* (т. IV), *О томъ, какъ мы съ Соломономъ Соломоновичемъ ѣхали... въ Горный Студень* (т. V), *Средній солдатъ* (т. V.) *Бакцишицъ* (т. V.) и *Военная жизнь въ Варшавѣ съ 1815 по 1831 годъ* (т. IV), могутъ быть названы эскизами художника къ названнымъ выше большимъ картинамъ: романамъ и повѣстямъ. И въ произведеніяхъ этой категоріи Крестовскій является намъ еще художникомъ, но уже тенденціознымъ. Исторія служитъ ему тутъ только средствомъ; своими фактами она должна лишь закрѣплять взгляды и выводы романиста.

Наконецъ, третью категорію произведеній Крестовскаго, какъ военнаго писателя, составляютъ статьи военно-публицистическаго характера: *Наша будущая война* (военно-политическія письма, т. V), *По поводу либеральныхъ привѣтствій* (т. IV), *Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи* (т. V) и *Въ дальнихъ водахъ и странахъ* — путевые очерки, въ которыхъ любовь къ военному дѣлу ярко сказалась въ наблюдательномъ авторѣ-путешественникѣ.

Настоящая статья содержитъ обзоръ произведеній первой изъ указанныхъ категорій ¹⁾.

II.

Произведеніемъ, создавшимъ Крестовскому популярное литературное имя, былъ знаменитый романъ «Петербургскія Трущобы». Въ свое время мы всѣ, вѣроятно, прочли эту «книгу о сытыхъ и голодныхъ» съ живымъ жгучимъ интересомъ, потомъ неоднократно «перелистывали» ее и потому едва-ли нужно передавать здѣсь ея чрезвычайно сложное, запутанное содержаніе. Въ длинной портретной галереѣ героевъ «Петербургскихъ Трущобъ», взятыхъ авторомъ изъ жизни и списанныхъ съ извѣстныхъ всему Петербургу лицъ, я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ или иначе, причастныхъ военной средѣ. Увы, никто изъ нихъ не принадлежитъ къ немногочисленной въ этомъ романѣ группѣ положительныхъ типовъ. И молодой блестящій гвардейскій офицеръ князь Шадурскій, и отставные драгунскій поручикъ Ковровъ, майоръ Спица и капитанъ Закурдаило—все это язвы Петербурга. Въ романѣ, имѣющемъ цѣлью «сопоставить благоденствіе высшихъ классовъ общества съ бѣдствіемъ низшихъ», и эти лица включены авторомъ въ ряды слугъ того царя «отъ міра сего», который

«незримъ, неслышимъ, но чувствуемъ, который грозенъ, какъ едва ли былъ грозенъ кто изъ владыкъ земныхъ..., который гордъ и надмененъ, и гнусно-пресмыкающъ въ одно и то же время; который «подлѣ и мерзокъ, какъ сама мерзость заустѣнія; котораго царственныя прерогативы—порокъ, преступленіе и рабство; «отецъ котораго—дьяволъ, мать—нищета, а имя ему—развратъ»». (Т. II, стр. 556 и 557).

Рисуя поэтизируемую имъ потомъ военную среду такими отталкивающими чертами, которыя сообщены Шадурскому и инымъ

¹⁾ Чтобы покончить съ вишнею стороною изданія и редакціи настоящаго собранія сочиненій, укажу здѣсь, что, къ сожалѣнію, г. Ю. Елецъ далеко не всѣ произведенія Крестовскаго снабдилъ хронологическою датою ихъ написанія.

офицерскаго званія героямъ «Петербургскихъ Трущобъ», Крестовскій, только-что кончившій университетъ, дѣйствовалъ, конечно, не подъ давленіемъ того царившаго тогда предубѣжденія противъ военной среды, «военщины», которому, по словамъ его біографа, и онъ отдалъ дань ¹⁾, но только потому, что для болѣе сильнаго выраженія идеи романа ему нужны были именно такіе «натурщики».

Надо отдать Крестовскому справедливость, черты ихъ переданы имъ замѣчательно жизненно и образы ихъ встаютъ предъ нами, какъ живые... Къ тому же они вѣдь и живучи...

Вотъ, наиримѣръ, представитель золотой гвардейской молодежи князь Владиміръ Шадурскій, воплощающій въ своей особѣ «типъ... великосвѣтскаго денди веннаго покроя...»

«У него въ дѣтствѣ не было дѣтства..., въ юные годы у него не было юности... и оттого никогда впослѣдствіи не было зрѣлости. Тѣмъ не менѣе, когда къ 20-ти годамъ прибылъ онъ, наконецъ, въ Россію, чтобы поступить на службу, все окружающіе его—а онъ самъ болѣе всѣхъ—были убѣждены, что ему стоитъ только захотѣть и онъ весьма легко и удобно сдѣлается чѣмъ угодно: и бюрократомъ, и администраторомъ, и финансистомъ, и дипломатомъ, и по любой изъ этихъ отраслей непременно займетъ постъ видный и соответственный его званію и положенію въ свѣтъ...»

Князь Владиміръ предпочелъ, однако, военную службу, «ибо, во-первыхъ, ему болѣе всего нравился блестящій мундиръ, а во-вторыхъ, болѣе всего на свѣтъ, послѣ себя самого, любилъ онъ лошадей, собакъ и оружіе. Съ протекціей да съ помощью извѣстныхъ убѣдительныхъ аргументовъ, выдержалъ онъ кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, экзаменъ, и надѣлъ красивую форму. Форма окончательно развизала ему руки...

И это понятно. Видя въ ношеніи мундира цѣль военной службы, а не средство, Шадурскій не могъ ни сознать, ни признавать въ немъ дисциплинирующаго начала. Напротивъ, онъ видѣлъ въ немъ начало *разрѣшающее*, развязывающее руки. Прежде всего блестящій мундиръ открывалъ ему широкій кредитъ, возможность «призанять» съ отдачей долга «когда-нибудь». И дѣйствительно:

«Вступленіе свое на жизненное поприще князь Владиміръ ознаменовалъ тѣмъ, что чрезъ полторы недѣли послѣ приобрѣтенія полной самостоятельности (или что то же—послѣ приобрѣтенія эполетъ) проигралъ на билиардѣ 10,000, да на 15,000 надавалъ векселей въ разныя руки.»

Деньги Шадурскому нужны были, прежде всего, на женщинъ. Тамъ же, гдѣ «купить» ихъ нельзя было, долженъ былъ сыграть свою роль все тотъ же блестящій мундиръ... Обративъ вниманіе на красоту Бероевой и узнавъ отъ пріятеля, что «мужъ ея слу-

¹⁾ См. «Біографію В. В. Крестовскаго», приложенную къ I тому собранія его сочиненій, стр. 8.

жить чѣмъ-то у Шиншѣва, а Шиншѣвъ ухаживаетъ за женою и на вечера свои приглашаетъ какъ декорацію ради красоты ея, онъ фатовато замѣчаетъ: «Don c'est une conquête facile!» примемъ къ свѣдѣнію... Мундиръ же былъ однимъ изъ средствъ гнусной западни, устроенной Шадурскимъ Бероевой у генеральши фонъ-Шпильце. Мундиръ «такого полка» внушалъ довѣріе и уже никакъ не позволялъ думать, что съ носителемъ его женщинѣ никакъ нельзя оставаться съ глазу на глазъ ни на одну минуту.

«Честь мундира» Шадурскій понималъ весьма своеобразно. Когда Бероева назвала его подлецомъ—

— «Подлецъ?»—повторилъ онъ съ улыбкой. — «А знаете ли, чѣмъ каждый порядочный человекъ обязанъ отвѣтить хорошенькой женщиной, если она дастъ ему пощечину или скажетъ подлеца? Онъ долженъ обнять и поцѣловать ее тутъ же... Noblesse oblige!..»

Замѣчательная житейская мораль, самая непріятная положенія обращающая въ пріятныя!

Впрочемъ, въ глазахъ Шадурскаго его «мундиръ» не только давалъ ему разрѣшеніе на все, но и бралъ—предъявлялъ ему свои требованія. И эти требованія были столь же опредѣленны и характерны.

— «..Мнѣ нужна не идиллическая любовница», говорилъ князь Владиміръ обольщенной имъ Машѣ, — «а содержанка, камелія—понимаете ли? ка-ме-лія! Этого требуетъ мое положеніе въ полку и обществѣ? Такъ если угодно, чтобы наши близкія отношенія продолжались—извольте одѣваться и ѣхать со мною въ общество камелій, а нѣтъ—такъ чортъ съ вами!»¹⁾

Еще бы, вѣдь обольщая Машу, онъ мечталъ совсѣмъ о другомъ.

«Онъ мечталъ, какъ будетъ хвастаться теперь передъ пріятелями своей содержанкой, какъ будутъ собираться они иногда въ этой самой квартиркѣ, какъ онъ введетъ Машу въ общество ихъ женщинъ, какъ она будетъ появляться на улицѣ въ щегольской коляскѣ и сидѣть въ бель-этажѣ Большого и Михайловскаго театровъ...»

Когда Маша въ нарядной шляпкѣ и щегольской шубѣ ката-лась по Невскому проспекту и Дворцовой набережной въ прекрасномъ экипажѣ, на прекрасныхъ рысакахъ, князь почти все время скакалъ рядомъ съ нею верхомъ на своей пѣгой кобылѣ, составлявшей предметъ зависти записныхъ кавалеристовъ и спортсменовъ.

«Чуть усматривалъ онъ какого-нибудь пріятеля, идущаго или ѣдущаго на встрѣчу—тотчасъ же съ фамильярной улыбкой наклонялся нѣсколько въ сторону молодой дѣвушки и начиналъ съ нею болтать. Проѣхалъ Желторѣцкій, кинулъ взглядъ на Машу и на Шадурскаго, перекинулся съ нимъ поклономъ—и

¹⁾ Въ разсказѣ «Торные дороги» (т. IV) почти то же самое говоритъ гусарь Жабокритскій (стр. 89).

сердчишко князя Владиміра екнуло самолюбивою и тревожною радостью. Это были первыя публичныя минуты его торжества...»

Не правда ли, какая тонко выписанная картинка съ натуры?

Служа по этому неписанному уставу (о службѣ по другимъ уставамъ мы ничего не знаемъ), требовавшему за пощечину отъ жепщины платить ей насильственнымъ поцѣлуемъ, требовавшему имѣть не просто любовницъ, а содержанокъ, камеліи, и предписывавшему правила обращенія съ ними въ театрахъ, на улицахъ, на пикникахъ у какой-нибудь Берты,—служба вотъ по этому-то уставу «царю отъ міра сего», князь Шадурскій вѣроятно достигъ бы «степеней извѣстныхъ», если бы... его рара и тамап не пригрозилъ въ одинъ непрекрасный день призракъ разоренія.

— «Срамъ... позоръ... нищета? скрипѣлъ зубами князь Владиміръ Шадурскій: придется удрать... Но куда удерешь?... Въ армію перейти бы, что ли?... Да чѣмъ жить-то станешь?... Жениться?... На содержаніе идти къ какой-нибудь старухѣ?... Это бы можно, да не подыишешь сразу, а тутъ тебя пока до содержанія—въ грязи затопчутъ, въ долговой тюрьмѣ сгноять...»

Кончилось, дѣйствительно, тѣмъ, что онъ «подыскалъ...»

Дочь золотопромышленника Шиншѣва, Дарья Давыдовна, дѣвица весьма некрасивая собою, какими-то судьбами оказалась вдругъ въ положеніи такого рода, которое требуетъ немедленнаго прикрытія законнымъ бракомъ... ..Князь Шадурскій... великодушно предложилъ руку и сердце дочерп г-на Шиншѣва, и она осчастливила его своимъ согласіемъ... Теперь оба они наслаждаются жизнью, ни въ чемъ не стѣсняя одинъ другого... Князь Владиміръ ..держитъ у себя на содержаніи шесть паръ отличнѣйшихъ лошадей и пару такихъ же танцовщицъ...

Правда, пришлось разстаться съ блестящимъ мундиромъ, но это уже по особому случаю.

Дѣло въ томъ, что прежде, чѣмъ достигнуть тихой пристани «съ шестью парами лошадей и одной парой любовницъ», князю Владиміру пришлось-таки посидѣть въ тюрьмѣ—правда, не въ отечественной, а заграничной, но все же!... Попалъ онъ туда, если помнитъ читатель, за попытку сбить одному заграничному банкирскому дому пудъ золотого песку, яко бы провезеннаго за границу контрабанднымъ путемъ и оказавшагося по разслѣдованію простымъ мѣднымъ припоемъ.

«Хотя изъ обстоятельствъ слѣдственнаго дѣла, извѣщала французская газета, кажется, можно придти къ заключенію, что и Шадурскій былъ жертвою ловкаго обмана..., однакоже, намѣреніе его сдѣлать въ свою очередь продажу, воспрещаемую закономъ, ясно показываетъ въ немъ мошенническій, недобросовѣстный образъ дѣйствій».

* *
*

Въ обманъ—на скользкую «тропинку бѣдствій»—увлекъ князя Шадурскаго «отставной поручикъ Черноярскаго драгунскаго полка Сергій Антоновъ сынъ Ковровъ», носившій званіе «командира

золотой роты». Мы встрѣчаемся съ нимъ съ первыхъ же страницъ романа, когда онъ еще не въ отставкѣ и потому не безъ гордости говорить: — «Нѣтъ, братъ, я пока еще на царской службѣ состою и съ мундиромъ честь свою ношу!...»

Это, однако, не случайная оговорка противъ стереотипной фразы: «съ честью носить мундиръ». Нѣтъ, Ковровъ говоритъ такъ сознательно и эта редакція фразы очень характерна для него.

«Золотая рота», рассказываетъ Крестовскій, «образовалась въ половинѣ 30-хъ годовъ... Она никогда не отличалась многочисленностью своихъ членовъ, за то всѣ ужь они могли съ честью назваться отчаяннѣйшими головорѣзами, которые нигдѣ и ни въ чемъ не знали преградъ для своихъ самыхъ дерзкихъ подвиговъ. Настоящій вожакъ этой шайки, поручикъ Ковровъ, былъ въ полномъ смыслѣ то, что называется *triple canaille*. Дерзкій, храбрый и самоувѣренный, онъ обладалъ, кромѣ того, еще красотою, манерами и свѣтскимъ лоскомъ, известнымъ подъ именемъ образованія. Передъ членами золотой роты и въ особенности предъ Ковровымъ трепетали всѣ остальные хороводы. Онъ повсюду имѣлъ своихъ тайныхъ агентовъ, которые незамѣтно, но зорко слѣдили за каждымъ предпріятіемъ мазуровъ. Въ моментъ исполненія такого предпріятія, на мѣсто дѣйствія неожиданно-негаданно являлся Ковровъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ и требовалъ контрибуцію, грозя, въ противномъ случаѣ, тотчасъ же донести полиціи—и мошенники для того, чтобы «смирить ему звонокъ», невольно должны были жертвовать часть славы, какую онъ самъ заблагодарасуждалъ себѣ назначить. Дѣйствуя необыкновенно ловко и тонко во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, онъ велъ себя такъ, что подъ него никакъ нельзя было подпустить иголки и такимъ образомъ онъ грабилъ вдвойнѣ: и мирныхъ обывателей града С.-Петербурга, и мазурковъ вмѣстѣ...»

Понятно, говорить о томъ, что съ честью носишь мундиръ, уже не приходилось. Ковровъ это понималъ: онъ былъ прямодушный человѣкъ, не обманывавшій себя на счетъ характера своихъ поступковъ. Къ тому же, у него былъ свой кодексъ житейской морали и въ этомъ отношеніи онъ отличался отъ князя Владиміра Шадурскаго тѣмъ, что послѣдній взялъ себѣ неписанный уставъ уже готовымъ и «по немъ ходилъ», т. е. соглашалъ съ нимъ свое поведеніе, свой вкусъ, свою волю, Ковровъ же выработалъ свою мораль опытомъ жизни, внеся въ нее свою индивидуальность. Какъ и у Шадурскаго, у него была также *своя* честь, которую онъ и носилъ «съ мундиромъ».

Когда Бодлевскій, чтобы заплатить «контрибуцію», снялъ съ себя золотые часы—единственное наслѣдство отъ своего отца и вмѣстѣ съ оставшимися пятью рублями бросилъ ихъ на столъ передъ Ковровымъ, — «вы, благородный молодой человѣкъ», сказалъ послѣдній: «вашу руку!... Я тоже умѣю быть великодушнымъ!... Въ своей практикѣ онъ держался, напримѣръ, «теоріи ассоціаціи», какъ онъ самъ выражался. И вотъ какой разговоръ

вышелъ у него съ другимъ «дѣльцомъ», державшимся «теоріи экономистовъ-собственниковъ и принципа одиночности».

— «...Это менѣ надежно», замѣтилъ послѣдній по поводу «теоріи ассоціацій».

— «За то болѣе гуманно!» отпарировалъ Ковровъ.—«Самп ѣдите, давайте ѣсть другимъ! а иначе что-жь это? своего рода плантаторство, эксплуатація! Да и, наконецъ, чортъ возьми, мнѣ безъ риска скучно работать! да и не то, что «скучно», просто—гадко! противно! Вотъ что-сь! Я вамъ скажу откровенно: для меня то дѣло, гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго риску—не дѣло, а дрянь... И, наконецъ, я человѣкъ открытый» («слишкомъ открытъ!»)—вырвалось у него въ другомъ мѣстѣ) «и, какъ порядочный человѣкъ, буду съ вами откровененъ: я вамъ буду вредить... Выбирайте сейчасъ между враждой и дружбой. Къ вамъ мнѣ прикажете считать васъ?..»

Предъ нами снова отрицательный типъ, но не лишенный уже нѣкоторыхъ привлекательныхъ чертъ: развитаго чувства товарищества, отваги, прямодушія, откровенности, своеобразно благородныхъ и великодушныхъ порывовъ.

— «Если, впрочемъ, вы пріѣхали сюда съ цѣлью сдѣлаться мирнымъ гражданиномъ, забыть свое прошлое—говорить онъ тому же «дѣльцу»—«то помогай вамъ Господи!»

Это человѣкъ борьбы, это тотъ «мятежный», что по Лермонтовскому стиху «ищетъ бури, какъ будто въ бурѣ есть покой...» Это одинъ изъ видовъ типа корнета Буянова, мѣтко охарактеризованнаго въ офицерской средѣ словами: «человѣкъ — въ мирное время—небезопасный, въ военное—незамѣнимый»... Ковровымъ нуженъ всегда и всюду рискъ, опасность, безъ чего и дѣло не въ дѣло,—а не казарма съ ея «планомъ занятій», повторяемымъ изъ года въ годъ, не манежъ съ ѣздой вдоль манежныхъ стѣнъ, не «маневры» съ холостыми зарядами и патронами. Ихъ сфера *война*, съ ея поэзіей ужасовъ и опасностей, а нѣтъ войны — приключенія, хотя бы и болѣе или менѣе предусмотрѣнныя уголовнымъ кодексомъ...

И намъ понятно, сердцемъ, но не разумомъ, почему Крестовскій, дѣлая въ концѣ своего романа предположеніе о томъ—успокоится ли Ковровъ на лаврахъ и заживетъ ли мирнымъ гражданиномъ или, быть можетъ, пойдетъ по Владиміркѣ колонизировать страны сибирскія, замѣчаетъ:

«Въ послѣднемъ случаѣ я буду очень сожалѣть о немъ, потому что мнѣ нравятся минутно-рыцарскіе, добрые порывы души его».

За этими двумя столь противоположнаго характера героями «Петербургскихъ Трущобъ», имѣющими уже въ нашей литературѣ свои прототипы въ лицѣ князя Анатолія Курагина и Долохова изъ «Войны и Мира», стоятъ второстепенные герои «военнаго

типа»: отставной маіоръ Спица и отставной же капитанъ Закурдаило.

Портретъ перваго нарисованъ Крестовскимъ яркими штрихами, возстановляющими въ нашемъ представленіи всѣмъ знакомый обликъ «эмерита», оказавшагося не у дѣлъ «единственно по несправедливости начальства», рекомендующагося «лично извѣстнымъ генералу Черняеву» и заключающаго иногда свою рѣчь просьбой «силъвупле—двугривенный»... При этомъ завѣренія, что просить «честный офицеръ» и обращается къ вамъ по чувству военнаго товарищества, даютъ понять, что и дать вы обязаны по долгу того же товарищества. Увы, этотъ типъ, кажется, несклоненъ къ «вымиранію» и отъ него «спасенья нѣтъ», особенно чело-вѣку въ военной формѣ.

Маіоръ Спица былъ невысокаго роста плотный старичонко, носившій сѣрую военную шинель и солдатски скроенную фуражку съ кокардой «для того, чтобы всѣ знали и видѣли, что я—благородный чело-вѣкъ», поясняя оиъ въ надлежащихъ случаяхъ: «и чтобы каналья—солдатъ дисциплину не забывалъ». Петръ Кузьмичъ (такъ звали маіора) любилъ, когда встрѣчные солдаты отдавали ему честь... Вся фигура этого старичонки необыкновенно оживлялась чувствомъ амбиціи и самодовольства, которыя вполне гармонировали между собою, высказываясь особенно ярко въ его надменныхъ свѣтлыхъ глазкахъ и въ щеточкахъ-усахъ, вѣчно нафабранныхъ и закрученныхъ кверху. Голосъ у него былъ баритонъ, съ приятнымъ хрипомъ, такой, какой обыкновенно бывалъ у ротныхъ командировъ, когда они съ недосыпу послѣ вчерашняго перелоя являлись раннимъ утромъ передъ выстроенную во фронтъ свою роту. Маіоръ подчасъ очень любилъ вспоминать бывшее время, которое называлъ «лихимиъ», и при этихъ разсказахъ всегда старался держать себя съ наибольшою молодцоватостью, закручивалъ кверху щетинку усовъ и поводилъ глазами съ соколей искоркой, которая переходила у него въ капельку масла, если дѣло начинало касаться разныхъ полечекъ, жидовочекъ, хохлушечекъ и татарочекъ. Маіоръ уже болѣе 25-ти лѣтъ позналъ сладкія узы Гименея. Какія причины побудили его оставить карьеру чиновъ и отличій—оиъ не упоминалъ, да и притомъ это случилось такъ уже давно, что никто его объ этомъ и не спрашивалъ. Всѣ знали только, что оиъ бѣдный, но честный маіоръ, многочисленнымъ семействомъ обремененный...; «опредѣленныхъ средствъ» къ жизни маіоръ не имѣлъ: пенсіи не получалъ оиъ ни откуда, имѣнія, ни родового, ни благопріобрѣтеннаго, за нимъ не числилось и частной службой... тоже не пользовался...; при всемъ томъ професію, дававшую маіору возможность существованія, нельзя было называть мазурнически-темной. Да и оиъ бы самъ, въ высшей степени, амбиціозно оскорбился, если бы кому-нибудь пришла фантазія усомниться въ доброкачественности его доходовъ.

— «Я моему Императору маіоръ! Я — штабъ-офицеръ россійской службы! Христолюбивое россійское воинство идетъ по пути чести и я, маіоръ, Петръ Кузьмичъ, сынъ Спица, съ этого пути никогда не соступлюсь!»—любилъ иногда говаривать маіоръ за стаканомъ пріятельскаго пуиша...

До хмѣльнаго же Спица былъ большой охотникъ. Професія его, помимо сдачи въ наймы комнатъ и угловъ, заключалась въ томъ, что оиъ подбиралъ и подыскивалъ младенцевъ, годовалыхъ

или около этого возраста (отдать такихъ «добрымъ людямъ» въ Петербургѣ всегда матерей-родильницъ много), и сдавалъ ихъ за приличную плату, во временное пользованіе, нищенкамъ и дамамъ, желающимъ слыть или выдать себя за «порядочныхъ», обладающихъ «дѣтьми-херувимчиками».

Къ тому же эта профессія давала маіору Спицѣ возможность чувствовать себя иногда въ положеніи «баталіоннаго» и покомандовать.

Каждое утро въ началѣ седьмого часа, передъ ранними обѣдами, приходил маіора Спицы начинала наполняться разнымъ бабьемъ въ обтрепанныхъ нищенскихъ дохмотяхъ. Петръ Кузьмичъ выходилъ къ нимъ съ видомъ ротнаго юпитера и хрипло-веселымъ голосомъ привѣтствовалъ сбродную братію.

— «Здорово, ребята!»

— «Много лѣтъ здравствовать!»—отвѣтствовалъ хоръ бабенокъ.

— «Что, небось, за товаромъ приперли?»...

И начинался торгъ и раздача младенцевъ. Когда бабенки жаловались, что «ссужаемый» младенецъ не горлодера,—

— «Такъ что-жь что не горлодера?!» — возражалъ недовольный маіоръ. — «Ну, щипни его, подлеца, полегоньку или булавочкой чуточку тѣни—онъ тебѣ и будетъ кричать, сколько хочешь!»

Несмотря на хорошіе доходы отъ своихъ многоразличныхъ профессій,

самъ Петръ Кузьмичъ въ житейскихъ потребностяхъ своихъ былъ очень невзыскателецъ, не чувствовалъ ни малѣйшей потребности въ излишней перемены своихъ костюмовъ и ограничивался старымъ халатикомъ, жениной кацавейкой, да отставнымъ военнымъ сюртукомъ...

Въ этомъ отношеніи «честный маіоръ» сходился съ капитаномъ Закурдайло—«по рожденію—благороднымъ человѣкомъ, по убѣжденіямъ—киникомъ»...

— «Меня и въ полку всѣ киникомъ звали—я горжусь. Это все вещи»—говорилъ онъ Машѣ, указывая на столъ, диванъ и два-три убогіе стула и предлагая все это купить—«и потому—излишнее; какъ человѣкъ, я только обязанъ удовлетворять мои физическія потребности; а это все», заключилъ онъ, кивнувъ глазами на мебель: «это все комфортъ и суета»...

Когда Маша, уходя, ступила за порогъ, въ прихожую, онъ остановилъ ее благородно-просительнымъ жестомъ руки:

— «Я не прошу взаймы потому, что не имѣю привычки отдавать», началъ онъ съ достоинствомъ:—«но м-медамъ! Отъявленному пьяницѣ и негодю капитану Закурдайлѣ на вышивку!»...

Признаніе своего нравственнаго убожества сближаетъ Закурдайло съ Ковровымъ; это люди одного типа—прямодушныхъ откровенныхъ негодяевъ, при всей глубинѣ своего паденія не утратившихъ однако способности различать честное отъ безчестнаго. Наоборотъ, отсутствіе этой способности, позволяющее считать себя

«порядочными людьми», свои поступки—честными, а профессіи—позволительными, состояніе, называемое психопатологами нравственнымъ безразличіемъ (moral insanity)—сближаетъ блестящаго князя Владиміра Шадурскаго съ маіоромъ Спицею.

Въ очеркахъ «Петербургскіе золотопромышленники» (вѣроломный капитанъ или женитьба Млекопитаева) мы встрѣчаемся съ эскизомъ портрета капитана Закурдайло. Онъ еще не въ отставкѣ, но, очевидно, въ полку «киннику» оставаться долѣе нельзя и для удовлетворенія своихъ физическихъ потребностей приходится хлопотать объ мѣстечкѣ по комисаріатскому департаменту. Лишившись «сладостнѣйшихъ надеждъ» на обладаніе симъ мѣстечкомъ, онъ спасается бѣгствомъ отъ своей квартирной хозяйки и ея дочки Наденьки, не заплативъ первой за квартиру, а вторую лишивъ въ свою очередь «сладостнѣйшихъ надеждъ» на сладостныя узы Гименея. И тутъ сказалась привычка капитана Закурдайло «не отдавать»... Выручило его изъ бѣдственнаго положенія неожиданное наслѣдство отъ Повѣтнихъ, на развалинахъ котораго мы и встрѣчаемся въ «Петербургскихъ Трущобахъ» съ отставнымъ уже капитаномъ Закурдайло.

Вл. Апушкинъ.

(Окончаніе будетъ).

